

Похоже, автора «Холодной осени» не заботит соответствие придуманных им диалогов документально зафиксированным словам его героя. Иначе трудно объяснить, почему почти сразу вслед за цитатой из бунинского дневника о варварстве поклонников «ядренного и сочного» народного языка, составляющих из диалектизмов «похабнейшую в своем архирусизме смесь» (с. 39—40), В. Лавров заставляет писателя говорить именно на такой смеси. Речь идет о свадьбе, где Бунин «сыпал шутками-прибаутками, и старички и старушки, без которых на Руси ни одна свадьба не обходится, уже ласково называли его «Лексеич».

— Лексеич, ты б сполнил сам чего свадебное, — попросила его соседка...» (с. 43). Лексеич охотно «сполняет», «выкинув затейливое коленце» (с. 44). «Чуть не до дома провожали хозяева дорогих гостей — Лексеича и Веру Николаевну. Разошедшийся Лексеич наставлял:

— Хозяйство вести — не бородой трясти! Да и насчет поколения уж постарайтесь... Старалась двоечка — так будет троечка!..

— Приходите еще, пожалуйста! — просили молодые, и глаза их светились благодарностью. В лучах заходящего солнца ярко светились в ушах невесты сережки с небольшими бриллиантами — подарок Буниных» (с. 44). Происходит это умиленное действие в голодающей Одессе, в 1919 году. В картине В. Лаврова недостает, пожалуй, лишь одной детали: могучей развесистой клоквы, под которой веселится «Лексеич».

Как видно из «романа-хроники», Бунин беззаветно близок к народу. И быть бы «рубаше-парню» Лексеичу лауреатом не Нобелевской, а Ленинской премии, если бы не держали его в когтях злобные эмигрантские ястребы: Мережковский, Алданов, Цетлин, Струве. Все они обладают в повествовании В. Лаврова садистской склонностью вкусно поесть на глазах у голодного Бунина: «Мережковский, самоуверенно и громко доказывая, что... «Россия без свободы — ничто», с аппетитом закусывал анчоусами. В серебристых кудряшках его бородки застрял кусочек маринованного лука» (с. 105—106); «Адамович тщательно пережевывал колбасу» (с. 341) и т. п. Особым гурманством отличается в «Холодной осени» П. Б. Струве: «Пережевав котлэт де мутон (проще говоря — телячью котлетку) и оросив ее красным дю Маконом, он спросил густым, насытившимся голосом:

— Ну-с, милостивый государь, какие виды у вас на будущее?

— Уехать в Россию!..

Струве выпучил глаза и чуть не поперхнулся вином» (с. 71—72).

Да, не дает В. Лавров позабыть, в каком гнусном окружении писалась «Жизнь Арсеньева». Вокруг Бунина — какие-то экспонаты паноптикума: Гиппиус — «вертлявое существо неопределенного возраста и пола» (с. 131); белогвардейские офицеры «не то что написать, сказать, кроме «ать-два!», ничего толком не умели» (с. 71) и т. д. Право, впору попросить прощения у всех перечисленных в книге